

ВДОХНОВЕНИЕМ РОЖДЕННЫЙ

БОГАТАЯ образами музыка балета «Щелкунчики» с первых же мгновений показала нам, что клавиш касаются руки способного пианиста. Но если первый номер программы артистов Большого театра желал оставлять лучшего, то уже второй — «Цыганский танец» из балета «Дон Кихот» — захватил безраздельно стремительностью и искренностью. Вихрь и огонь, отточённость и чистота каждого жеста плюс темперамент — таковы черты танца Агнессы Баллиевой. И в таком же стремительном ритме танец ее партнера А. Спивакова. Черное и красное — цвета костюмов, блеск глаз и дерзкая улыбка. Танец яркий и терпкий, как южный цветок. Потом эта же

танцовщица порезила нас лезгинкой. Но там уже не было такого самобытного характера, там, пожалуй, больше шаловливости, веселья, нечто водевильное даже. Но столько непринужденности и обаяния, столько метких наблюдений и дружеского юмора в кавказском танце, что опять же танцовщицу видишь, как личность. Это и есть талант балерины — соединить музыку, танец, игру. Не все в коллективе умели делать это столь же естественно. Но М. Сидоровой удалось. Ее лирический герой во фрагменте из балета Л. Ф. Герольда «Тщетная предосторожность» — наивная, чистая девушка, беззащитная и открытая, скользкая в счастливом танце любви. Ее замечательный партнер В. Ко-

жадей хорошо владеет не только сложным ритмом танца, но и пантомимными приемами выразительности. А потом мы видели их в другом танце «Мелодия» Глюка. Глубоко чужье музыки, даже не чутье, а полное с нею слияние. Гармония грусти или разлуки.

И подумалось, когда смотрела следующие вещи, что нет, не может быть подлинного восприятия балета без вдохновения, без игры актера. К сожалению, не было такого легкого воодушевления почерка в паде-де Чайковского из балета «Щелкунчики».

Холодное лицо одной из танцовщиц, довольно-таки техничной, особенно металкивало на эти размышления. В ней будто не доставало чего-то, не было крылатости. Бес-

страстным было не только лицо ее, но и весь облик, и поэтому даже особо сложные ее пируэты не вызвали восторга.

Очень техничное исполнение П. Тарасевичем «Цыганских напевов» Сарасате с тончайшей отделкой деталей не ударило в душу, было холодным. Но наш зритель воздал ему за мастерство. Тарасевичу аплодировали очень бурно. И вот скрипач, то ли вдруг разбуженный, то ли еще по какой причине сыграл совсем иначе «Лунный свет» Дебюсси. Лицо его было таким же сдержанным, но через пелену спокойствия пробивались к нам его мысль, его переживания, навеянные музыкой. И у кого-то были на глазах слезы. Музыка спо-

собна поднять не любые вершины чувства.

Покорил зрителя своей игрой виолончелист Г. Вертапетов. Его артизм — это не только блестящая техника, но и насыщенность мелодии впечатлениями, обаяние. «Сентиментальный вальс» Чайковского в его интерпретации вовсе не сентиментальный; он горестный, трагичный. Но, может, это субъективно, может, кто-то и не так почувствовал.

Поистине расширил и углубил идейный смысл балета в наши дни, рамки его жанрового диапазона как бы раздвинулись. Хореографическая постановка, посвященная воинам Отечественной, построена по всем канонам балета.

Памятник героям вдруг оживает на сцене. Алый

стар, фигуры четырех в гимнастерках. Четкие движения мужественного танца, выразительная пантомима лиц.

Составленный из резких, как бы треугольных мазков, он современен, лаконичен. Сделан выкружками, как чеханка, солистами Большого театра В. Кожадеем, В. Владыкиным, А. Спиваковым, А. Кондратовым.

И как бы апофеозом выступления стал фрагмент из балета Гуно «Фауст» «Вальпургисовая ночь». Н. Филиппова (вахтанка) здесь действительно удачна.

А потом — прощание с артистами. Зрители аплодировали, а танцоры улыбались радостно и чуть-чуть устало.

Л. СУХАНОВА.

МИР ИСКУССТВА